

Н. П. Генералова

ЗАМЕТКИ КОММЕНТАТОРА

I

Какое неизвестное стихотворение Фета хотел прочитать Тургенев*

Как в первом, так и во втором издании Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева один фрагмент из письма к Ивану Петровичу Борису, а именно письма от 1 (13) декабря 1867 года, остался без комментария. Вот этот фрагмент: «Посмотрел бы я на Фета с мировой цепью на шее! Отчего же Вы не прислали его стихов на Р.? Я Вам могу слово дать, что всё останется в тайне».¹ Как отмечено в комментариях к письму, упоминание о мировой цепи на шее Фета относилось к избранию его мировым судьей на съезде мировых судей в Мценске. Это факт известный, сохранилась даже фотография Фета с «мировой цепью» на шее.² По поводу же «стихов на Р.» в комментариях сказано: «О каком стихотворении Фета идет речь — неясно».³

К сожалению, письмо И. П. Борису, который, очевидно, сообщил Тургеневу о таинственном стихотворении Фета на какого-то «Р.», до нас

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), «Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1859–1866), проект № 14-04-00457а. За помощь в подготовке настоящей статьи сердечно благодарю И. А. Кузьмину.

¹ ПССиП(2). Письма. Т. 8. С. 79.

² См., например: ЛН. Т. 103. Кн. 1. С. 513.

³ ПССиП(2). Письма. Т. 8. С. 316, примеч. 4 к письму 2126.

не дошло. Последнее из известных писем Борисова к Тургеневу помечено 22 ноября ст. ст. 1862 года.⁴

Теперь, когда сохранившаяся часть переписки Фета с В. П. Боткиным (86 писем Фета и 114 писем Боткина, включая письма М. П. Фет и обращенные к ней) полностью опубликована Ю. П. Благовоиной,⁵ мы можем с полной уверенностью сказать, о каком стихотворении поэта шла речь в письме Тургенева и кто скрывался за криптонимом «Р.». Вот что сообщал Фет Боткину 22 октября (3 ноября) 1867 года: «Ты, может быть, слышал, что Ржевский баллотировался в почетные мировые судьи во Мценске и провалился mit grossen Schkandalen (с большим скандалом — нем.), чему Тургенев рукоплещет из Бадена и что внушило мне следующий *стих*:

В лакейских нюхая давно,
Звездой он спереди украшен.
Как сочинитель он говно,
Как губернатор был бы страшен.

Но сзади он всего страшней,
Нам проповедуя Европу.
Завистник русских снохачей,
Сей рыжечалый любодей
Всему что дышит, целит в ж...⁶

Скажем сразу, что, кроме самого факта провала Ржевского на выборах, мы пока можем прокомментировать в этом стихотворении далеко не все, но несомненно, что просьба к Борисову прислать эпиграмму Фета на Ржевского должна найти место не только в комментарии к письму, но и в Летописи жизни и творчества писателя. Личность Владимира Константиновича Ржевского (1811–1885) хотя и была хорошо знакома современникам, но скорее с официальной стороны. Его богатый послужной список включает десятки ответственных должностей — от чиновника особых поручений, инспектора кадетского корпуса до члена Совета министра внутренних дел, закончившего свои дни сенатором. В 1867 году

---

⁴ Письма Борисова к Тургеневу опубликованы Е. М. и Н. А. Хмелевскими в Тургеневских сборниках (*ТСб*. Вып. 3–5).

⁵ *ЛН*. Т. 103. Кн. 1. С. 156–538. По подсчетам Ю. П. Благовоиной, из этой переписки до нас не дошло 56 писем Фета и 7 писем Боткина (Там же. С. 538–542).

⁶ Там же. С. 504. Эпиграмма вошла в раздел «Стихотворения и поэмы 1863–1892 годов, не вошедшие в сборники» пятого тома выходящего ныне Собрания сочинений и писем Фета в 20 т. (*Фет. ССП*. Т. 5. Кн. 2. С. 59).

он был произведен в тайные советники. Выпускник Московского университета, Ржевский был знаком с братьями Бакуниными, с которыми состоял в родстве, числился приятелем В. Г. Белинского, однако со временем чиновничья карьера разорвала связи с друзьями молодости. В пореформенное время он активно выступал как публицист со статьями самого разного свойства (в основном в «Русском вестнике» и в правительственной газете «Северная почта», где заведовал отделом), состоял в многочисленных комиссиях — по устройству почтовой службы, по пересмотру положений о питейном сборе и др. Находясь с 1869 года на службе при Министерстве юстиции, Ржевский отвечал за межевую часть, затем был назначен сенатором в Межевой департамент Правительствующего сената.

Происходя из родовитого дворянства, Ржевский владел именьями во многих губерниях, в том числе в Мценском уезде Орловской губернии. В 1860 году, когда Фет присматривал себе «клочок земли», чтобы заняться сельским хозяйством, он чуть не купил «небольшое серпуховское именье», принадлежавшее Ржевскому. По словам Борисова, дядя Тургенева, Николай Николаевич, с которым Фет многие годы поддерживал дружеские отношения, «написал целый трактат, чтобы *не покупать* у Ржевского», и все-таки уговорил не совершать этой покупки.⁷ Правда, причины столь негативного отношения к покупке земли именно у Ржевского остаются не вполне ясными.

В 1861 году Ржевский был назначен мировым посредником 4-го участка Мценского уезда, но пробыл в этой должности недолго, лишь до мая 1862 года. Очевидно, деятельность его не пришлась по душе землякам, оттого его и «прокатили» на выборах почетных мировых судей, которые состоялись 25–26 июня 1867 года. Именно тогда Фет был впервые избран мировым судьей 3-го участка Мценского уезда и пробыл в этой должности вплоть до переезда в 1878 году в Курскую губернию, оставаясь, впрочем, и впоследствии почетным мировым судьей Мценского уезда.

---

⁷ *Т Сб.* Вып. 3. С. 338. Письмо И. П. Борисова к И. С. Тургеневу от 8 октября ст. ст. 1860 г. Е. М. Хмелевская отметила в комментариях, что хозяином имения мог быть и родной брат В. К. Ржевского Григорий Константинович (Там же. С. 340). Это замечание не было учтено в издании: *Фет А. Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство / Вступит. статья, сост., подгот. текста и коммент. В. А. Кошелева, С. В. Смирнова.* М., 2001. С. 411, где категорически утверждается, что хозяином был В. К. Ржевский. То же: *Фет. СлП.* Т. 4. С. 506–597. Ср.: *ЛН.* Т. 103. Кн. 1. С. 291, примеч. 6 (Публ. Ю. П. Благоволиной).

Что касается «большого скандала», связанного с избранием Ржевского, об этом сведений пока найти не удалось.⁸ Характерно, однако, что Тургенев, по сообщению Фета, «рукоплескал из Бадена» его провалу, но, очевидно, не в письме к нему. Накануне он получил от Фета письмо (неизв.) с резким отзывом о «Дыме» и в ответном письме от 30 июля (11 августа) 1867 года не менее резко возражал ему, хотя и поздравил с избранием в мировые судьи: «...с назначеньем в судьи поздравляю и Вас и наш край. И это поздравление мое серьезно. В Вас еще столько немецкой крови, что Вы наверное будете руководствоваться в Вашей деятельности ясным и честным здравым смыслом и положительной законностью <...>».⁹ О провале Ржевского, правда, в этом письме нет ни слова. О нем мы узнаем из письма Тургенева к Борису, написанного через несколько дней (письмо Борисова, как было сказано, не сохранилось): «Я очень рад избранию Фета и уверен, что из него выйдет отличный судья. <...> Я очень также рад „фиаску“ Ржевского: этому противному господину всякий щелчок во спасение».¹⁰

Похоже, мнения всех четверых — Тургенева, Боткина, Борисова и Фета — насчет Ржевского совпадали. Помимо недвусмысленного намека на нетрадиционную ориентацию Ржевского, эпиграмма Фета метила в его карьеризм, искательство наград,¹¹ а также в его публицистические статьи, обильно публиковавшиеся в периодике, прежде всего в «Русском вестнике». Известно, что Тургенев, хотя и печатался сам на страницах этого журнала (в нем, в частности, только что был опубликован

---

⁸ В отчете о втором дне заседания, состоявшемся 26 июня 1867 г. и посвященном выборам участковых и почетных судей, даются лишь сухие цифры баллотировки. После того, как председатель В. А. Шеншин зачитал соответствующие статьи Судебного устава и указ Правительствующего сената, выступил «гласный А. А. Фет» и «прочел речь о более удобном, по его мнению, способе производства выборов. Способ этот оставлен собранием без внимания как противоречащий основным правилам» (Журналы Мценского уездного собрания. Орел, 1867. С. 7). Фет был избран в участковые мировые судьи 22-мя голосами против 11-ти, а Ржевский получил 14 голосов против 18-ти (Там же. С. 8).

⁹ ПССиП(2). Письма. Т. 8. С. 24.

¹⁰ Там же. С. 25. Далеко не безобидный каламбур содержится в письме к Фету от 12 (24) февраля 1868 г.: «Скверно только, что геморрой атакует Вас à la Ржевский, а posteriori (задним числом — *лат.*)». Недаром, публикуя письмо, Фет опустил приведенный пассаж (МВ. Ч. 2. С. 173). В комментариях в обоих ПССиП высказано неправомерное предположение, что речь шла «о каких-то личных взаимоотношениях Ржевского с Фетом, упоминание о которых в печати показалось последнему неуместным» (ПССиП(1). Письма. Т. 7. С. 485–486; ПССиП(2). Письма. Т. 8. С. 357).

¹¹ Незадолго до мценских выборов, 14 мая 1867 г., Ржевский был произведен в тайные советники.

роман «Дым», вызвавший столько споров), однако крайне отрицательно относился и к общему направлению журнала, и в особенности лично к его редактору М. Н. Каткову. В упомянутом уже письме к Фету, отбиваясь от нападок на роман, он не без сарказма заметит: «Но отчего Вас в „Русском вестнике“ нет? Боги! отчего не приходится хотя от времени до времени читать такие, нетенденциозные стишки:

Где-то, что-то вееет, млеет...
Нос сопит... язык немеет...
Стих свербит вокруг пупка...
Музе хочется кака!

Как бы это было прохладно!».¹² Писатель и сам понимал, что высказался несколько сильно, и извинился: «Письмо это вышло резко — но у меня на душе накопело. Вы — добрый; сердиться не будете; Вы знаете, что я все-таки Вас очень люблю».¹³ Пересылая это письмо через И. П. Борисова, Тургенев замечал: «Прилагаемое письмо передайте ему (Фету. — *Ред.*) <...> оно его несколько покоробит — но это ничего: мы еще не так друг другу кишки рвали — а дружба наша от этого не пострадала».¹⁴ Да и Фет, по-видимому, не слишком стеснялся в выражениях, давая отзыв о «Дыме». На упомянутое письмо Тургенева он откликнулся: «От Тургенева получил раздражительное письмо, в ответ на мое мнение о „Дыме“. Но дело обойдется».¹⁵ Дело, разумеется, обошлось, — еще несколько лет, вплоть до разрыва, последовавшего в 1874 году, Тургенев и Фет продолжали обмениваться все более «раздражительными» письмами. Тем более любопытно, что в отношении В. К. Ржевского их мнения оказались схожими.

Оставляя в стороне «сочинения» Ржевского, которым Фет дал столь нелицеприятную оценку в своей эпиграмме, стоит отметить, что и строчка о возможном губернаторстве адресата, кажется, имела реальную подоплеку. В своем дневнике А. В. Никитенко, которому по долгу службы приходилось постоянно общаться с Ржевским, отметил: «Вечером был <В. К. Ржевский>. Его произвели в тайные советники, а места губернатора все-таки ему не дали, как он его ни добивается».¹⁶ Запись сделана 28 мая 1867 года, то есть вскоре после получения Ржевским чина тай-

¹² ПССиП(2). Письма. Т. 8. С. 23–24.

¹³ Там же. С. 24.

¹⁴ Там же. С. 25.

¹⁵ ЛН. Т. 103. Кн. 1. С. 501. Письмо к В. П. Боткину от 4 (16) сентября 1867 г. В ЛН опечатка: 1868.

¹⁶ Никитенко. Т. 3. С. 88.

ного советника и незадолго до выборов в почетные судьи Мценского уезда, на которых он, выражаясь словами Тургенева, потерпел «фиаску». К сожалению, нам не удалось выяснить, в какой губернии добивался должности губернатора В. К. Ржевский. Исходя из его желания стать почетным мировым судьей Мценского уезда, можно предположить, что его притягивал пост губернатора Орловской губернии. Пост орловского губернатора освободился после того, как А. Б. Лобанов-Ростовский 10 марта 1867 года был назначен и. д. товарища министра внутренних дел. Его преемником вскоре стал М. Н. Лонгинов, назначенный губернатором 7 апреля 1867 года.¹⁷

Остается вопрос, почему Тургенев так радовался провалу Ржевского, называя его «противным господином», ведь на первый взгляд деятельность этого видного чиновника и публициста была вполне в русле позитивных тенденций русского общества накануне и после отмены крепостного права. Сам он, без сомнения, причислял себя к партии прогрессистов, сумев внушить это мнение не одному Тургеневу. И все же писатель скоро почувствовал, что стояло за громкими фразами завзятых либералов из числа помещиков, входивших в Комитет по подготовке крестьянской реформы.

Сохранился один любопытный документ, обнародованный в свое время В. А. Громым, который при желании можно было бы расценить как свидетельство довольно близких отношений Тургенева и Ржевского. Этот документ находится в секретном архиве III отделения, в деле под названием «Выписки из писем Ржевского, Чичерина и других к Тургеневу И. С., Аксакову И. С. и другим об открытии и деятельности Орловского губернского комитета по выработке проекта условий отмены крепостного права и отношении дворянства к предстоящей реформе. 27 апреля 1858 г. — 17 декабря 1860».¹⁸ В деле сохранилась копия, снятая полицией с письма Ржевского от 16 ноября 1858 года, в котором тот выражал сожаление об отсутствии Тургенева на первых заседаниях Комитета. В самом деле, накануне заседания Тургенев покинул Орловскую губернию и приехал в Петербург, поселившись в известном доме Вебера на Большой Конюшенной, где вскоре верный друг П. В. Анненков будет читать в кругу литераторов только что заверченный роман «Дворянское гнездо».

Вот что писал Ржевский: «Очень жаль, что вы не исполнили своего намерения провести несколько дней в Орле во время первых заседаний

---

¹⁷ Сведения взяты из: <http://www.runivers.ru/doc/territory/362328/>

¹⁸ Громов В. А. Корреспонденты Тургенева 1858–1861 гг. в перлюстрациях III отделения // *Т Сб.* Вып. 4. С. 232.

нашего Комитета. Вы потеряли случай вынести впечатления более благоприятные нам, бедным, загнанным помещикам, нежели те, которые вы до сих пор испытывали».¹⁹ Похоже, однако, что Тургенев намеренно не присутствовал на заседании, не желая принимать участие в потасовках «бедных, загнанных помещиков», к слову сказать принадлежавших к числу наиболее богатых в Орловской губернии. Так, один В. В. Апраксин, сподвижник Ржевского по Комитету, произведший в свое время неизгладимое впечатление на Н. В. Гоголя, который усмотрел в нем тип нового русского помещика, призванного спасти Россию, владел пятнадцатью тысячами десятин земли только в трех уездах губернии, а за его имением в Брасово числилось девять тысяч крепостных душ.²⁰

Воссоздавая картину битвы «прогрессистов» и «крайне правой» партии в письме к Тургеневу, Ржевский представлял себя, разумеется, в самом выгодном свете. Писателя он, конечно, числил своим единомышленником, отсюда доверительный тон письма: «Жаль, очень жаль, что вас нет, вы бы от души порадовались. Наш маленький город, с своим маленьким парламентом, принял совершенно другой вид. Карты, а пока еще и танцы, на втором плане. Даже в клубе стали играть менее».²¹ Однако не приходится сомневаться, что Тургенев хорошо знал цену уездным «прогрессистам». Об этом свидетельствует его письмо к В. А. Черкасскому от 9 (21) июля 1858 года, написанное после посещения Орла: «На другой же день после моего приезда (в Спасское. — *Н. Г.*) я поскакал в Орел в надежде застать там комитетские выборы; но они уже были кончены — весьма скверно, как оно и следовало ожидать: благородное дворянство выбрало людей самых озлобленно-отсталых — и едва ли не единственным представителем прогресса в Орловском комитете — как и в других комитетах — будет лицо, назначенное правительством — а именно Ржевский. В странное время мы живем! — Слышанные мною в Орле и в других местах слова и мнения представляют мало отрадного <...>».²² Горькая ирония сказанного раскрывается в сочетании слов «выбрали» и «лицо, назначенное правительством». Любопытным подтверждением общей оценки Тургеневым деятельности Ржевского является один сюжет, воспроизведенный в воспоминаниях Е. М. Феоктистова.

---

¹⁹ Цит. по: Там же.

²⁰ О В. В. Апраксине см.: Мельник *Е. Г.* Тургенев и В. В. Апраксин накануне крестьянской реформы в Орле // *Тургенев. НИИМ* (3). С. 272–288. С 1857 по 1865 г. Апраксин занимал пост Орловского губернского предводителя дворянства.

²¹ Цит. по: *Громов В. А.* Корреспонденты Тургенева 1858–1861 гг. в перлюстрациях III отделения. С. 233.

²² *ПССиП*(2). *Письма*. Т. 3. С. 328.

Рассуждая о политических пристрастиях Тургенева, Феокистов высказался несколько иронично, считая, что политика никогда не была его сферой и даже собственное признание Тургенева в том, что ненависть к крепостному праву была его «заветным чувством», побудившим дать Аннибалу клятву борьбы с этим злом (о чем писатель сообщил в своих «Литературных и житейских воспоминаниях»), нельзя принимать всерьез. «Среди тогдашнего избранного кружка, — писал Феокистов, — не встречал я человека, который по самой натуре своей был бы так мало склонен заниматься политикой, как Тургенев, и он сам сознавался в этом: „Для меня главным образом интересно не *что*, а *как* и *кто*“. Вот фраза, которую беспрерывно приходилось слышать от него близким ему лицам. На первом плане стояли для него типы, характеры, а вовсе не деятельность сама по себе в том или другом направлении».²³ Убежденный в том, что различные партии нещадно эксплуатировали Тургенева, навязывая совершенно не свойственные ему роли, Феокистов в качестве примера привел «уморительную» историю, рассказанную ему самим писателем. «Так, например, В. К. Ржевский уж, конечно, мог быть по всей справедливости причислен к разряду людей, которых принято у нас называть „крепостниками“; это был человек незавидной нравственности, но умный, сведущий и считавшийся одним из корифеев партии, враждебной освобождению крестьян. Когда начались заседания редакционных комиссий, он поспешил в Петербург; по словам его, он объездил почти все гостиницы и нигде не нашел сколько-нибудь удобного приюта, а потому на основании долгого и близкого знакомства с Тургеньевым — оба они были орловские помещики — счел за лучшее поселиться у него. Однажды, вернувшись с прогулки, Иван Сергеевич нашел у себя неожиданного сожителя».²⁴

Этот фрагмент воспоминаний Феокистова, к сожалению, не нашел отражения в Летописи жизни и творчества Тургенева, хотя имя Ржевского встречается в ней не один раз. Между тем можно с большой долей вероятности предположить, что насильственное вселение Ржевского в апартаменты Тургенева произошло именно в 1858 году, причем уже после описанных им заседаний Орловского губернского комитета. Именно тогда, судя по приведенному выше перлюстрированному письму к Тургеньеву, он почувствовал себя «на коне», оценив практическую для себя пользу в активной деятельности комитетов, созданных «в видах прави-

---

²³ Феокистов Е. М. За кулисами политики и литературы (1848–1896). М., 1991. С. 48.

²⁴ Там же. С. 49.

тельства». Именно в это время начинается и бурная публицистическая деятельность Ржевского, и участие его в самых разнообразных комиссиях и т. д. Тургенева же, когда вышли высочайшие рескрипты в связи с подготовкой крестьянской реформы, в России не было: он отсутствовал почти два года — с июля 1856-го по июнь 1858-го. Вернувшись из-за границы, Тургенев сразу оказался в гуще политических событий, и конечно Ржевский, явно наметивший себе политическую карьеру, не мог упустить случая привлечь на «свою» сторону известного писателя. Возможно, случай, описанный Тургеньевым Феоктистову, произошел именно в доме Вебера на Большой Конюшенной, по адресу, на который было, очевидно, отправлено и письмо Ржевского от 16 ноября 1858 года, процитированное выше. Неуместное вторжение незваного гостя было тем более неприятно писателю, что в это время он был более всего озабочен только что завершенным романом «Дворянское гнездо» и тем, как он будет принят публикой.

Вот как передает Феоктистов рассказ Тургенева: «Можете себе представить <...> что вот уже более двух недель, как моя квартира превратилась в главный штаб крепостничества; с утра до ночи приходят к Ржевскому господа, самые имена которых достаточно говорят о том, что они замышляют; человек мой избегался, подавая им чай и закуски; я отлично знаю, что за стеной, рядом с моим кабинетом, вырабатываются планы, придумываются всевозможные каверзы, чтобы затормозить освобождение крестьян, но что хотите — у меня просто не хватает духу отправить их всех к черту...».²⁵ Таким образом, к этому времени суть «бойкого» господина Ржевского (определение Никитенко²⁶) не была для Тургенева тайной. В то же время статьи Ржевского, похоже, вызвали у писателя определенное сочувствие, о чем свидетельствует его письмо к А. А. Краевскому от 12 (24) февраля 1860 года, в котором он спрашивает редактора «Отечественных записок», не желает ли он приобрести статью Ржевского «О централизации и самоуправлении». Сообщая со слов автора о ее содержании и объеме («Он пишет мне, что „она объемом четьре печатных листа и вся оригинальная, безо всяких вставок и заимствований, и наполнена намеками на современные обстоятельства“»), Тургенев, верный своим обычаям, старается уладить и финансовую сторону вопроса, поскольку Ржевский просил за статью «очень дорого», по 250 руб. сер. за лист, и готов передать ответ Краевского Ржевскому,

---

²⁵ Там же.

²⁶ «Был <В. К.> Ржевский, будущий редактор отдела внутренней летописи (газеты «Северная почта». — Н. Г.). Человек бойкий» (Никитенко. Т. 2. С. 246).

дав при этом общую оценку его публицистическим выступлениям: «А статьи Ржевского все дельны и производят впечатление».²⁷

Нельзя не согласиться с В. А. Громовым, что опубликованные им материалы из секретного архива III отделения, «значительная часть которых так или иначе связана с кругом наблюдений Тургенева над русской жизнью 1858–1861 гг., служат дополнительным подтверждением глубокой зависимости идейного замысла „Отцов и детей“ от реальных конфликтов самой действительности того времени».²⁸ Отразились эти наблюдения и в романе «Дым», задуманном в 1862 году, и в других произведениях писателя. Вот почему фигуры, подобные В. К. Ржевскому, не могут не интересовать исследователя творчества Тургенева и достойны дальнейшего изучения.

Можно не сомневаться, что интерес писателя к эпиграмме Фета на Ржевского был обусловлен жгучим интересом к менявшейся на глазах русской жизни, как нельзя не сомневаться и в том, что И. П. Борисов выслал Тургеневу искомое стихотворение. Тургенев же, как и обещал, сохранил этот факт «в тайне».

II

Об одной ошибке Андре Мазона, или Когда появился в «Нови» Нечаев

Роман «Новь» — пожалуй, единственное из произведений Тургенева, которое сохранилось во всех ключевых моментах работы над ним писателя — от первоначального наброска до правки в корректуре окончательного текста. Если исследователи, восстанавливая творческую историю того или иного произведения, нередко вынуждены домысливать и реконструировать ее при помощи косвенных данных, то в случае «Нови» мы имеем уникальную возможность практически полностью представить себе документально зафиксированную историю создания романа. Это, конечно, не означает, что мы знаем все, что стояло за внесенными в несколько рабочих тетрадей и записанными на листках текстами. Некоторые слова подготовительных материалов и чернового автографа до сих пор остаются непрочитанными или прочитанными неверно.

---

²⁷ ПССиП(2). Письма. Т. 4. С. 156.

²⁸ Громов В. А. Корреспонденты Тургенева 1858–1861 гг. в перлюстрациях III отделения. С. 239.